

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА: ПРОСТРАНСТВО РИТУАЛА

***Аннотация.** В статье дается анализ динамики современной публичной сферы, испытывающей влияние противоречивых социально-политических и социокультурных реалий глобального мира. Одним из ключевых факторов, влияющих на характер трансформации публичной сферы, представлен усложняющийся технологический контекст ее существования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления меняющихся форм публичности под воздействием фактора медиатизации, размывающей границы политической публичной сферы. Утверждается, что в качестве «пограничного» феномена публичной сферы можно рассматривать политический ритуал, который сохраняет онтологическое свойство «явленности» и «открытости», и тем самым — саму природу публичности, с одной стороны, и потаенность, анонимность, определяемые характером виртуальной реальности, — с другой.*

***Ключевые слова:** политический ритуал, ритуальная коммуникация, ритуальные медиасобытия, политическая публичная сфера, символическое пространство, виртуальная реальность.*

THE POLITICAL PUBLIC SPHERE: THE SPACE OF RITUAL

***Abstract.** The article analyzes the dynamics of the modern public sphere, which is influenced by the contradictory socio-political and socio-cultural realities of the global world. One of the key factors influencing the nature of the transformation of the public sphere is the increasingly complex technological context of its existence. The relevance of the study is due to the need to understand the changing forms of publicity under the influence of the factor of mediatization, blurring the boundaries of the political public sphere. It is argued that the «borderline» phenomenon of the public sphere can be considered a political ritual that preserves the ontological property of «appearance» and «openness», and thus the very nature of publicity, on the one hand, and the secrecy, anonymity, determined by the nature of virtual reality, on the other.*

***Keywords:** political ritual, ritual communication, ritual media events, political public sphere, symbolic space, virtual reality.*

Публичное пространство современного мира характеризуется высокой степенью социальной напряженности. Это вызвано развивающимися гло-

бализационными процессами, порождающими транснационализацию всех общественных отношений, характерными для современного мира цивилизационными сдвигами и разломами, что придает актуальность исследованиям публичного пространства и новых проявлений публичности в социогуманитарном научном дискурсе.

Предметное поле исследования определяет динамический характер процессов, разворачивающихся в публичной сфере. *Предметом предлагаемой статьи* выступает ритуал как социокультурная форма развития политической публичной сферы в условиях стремительного роста цифровых информационно-коммуникативных технологий и медиатизации всех сфер общественной жизни.

Цель статьи — обоснование трансформации современной публичной сферы действием диалектического противоречия между инновационной технологизацией политических процессов и формами ритуальной коммуникации как традиционного символического ресурса.

Теоретико-методологические рамки рассмотрения ритуальности публичной сферы: диалектический подход как основа понимания развития социальных противоречий в условиях стремительно изменяющегося современного мира; конструктивистский структурализм в подходе к социальному пространству П. Бурдьё, а также признание роли символического капитала в процессе конструирования социального пространства. В методологических рамках коммуникативных теорий трансмиссионным моделям общения противопоставляется модель ритуальной коммуникации, что становится основополагающим водоразделом в оценке трансформационных процессов, происходящих в современной политической публичной сфере.

Исследовательский вопрос состоит в проблематизации следующей корреляции: насколько велико влияние медийных репрезентаций политических феноменов на характер традиционной ритуальности публичной сферы и каков характер этого влияния?

Обзор литературы. Понятия «ритуал» и «ритуальная коммуникация» имеют богатую историю своего исследования и сложившиеся традиции в выявлении природы ритуала: функционалистский подход (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун); символическая теория ритуала (К. Леви-Стросс); концепции, основанные на идеях эволюционизма (Дж. Фрэзер, Э. Тайлор). Представление Э. Дюркгейма о ритуале как основе социального взаимодействия сформировало социологические теории ритуала, среди которых — теория интерактивных ритуалов (Р. Коллинз, И. Гофман, Д. Кэри). В проблемное поле современных социогуманитарных исследований, посвященных изучению публичной коммуникации и развитию публичной сферы, включаются и вопросы, связанные с теми или иными аспектами ритуала как социально-политического феномена. Закономерное внимание

исследователей привлечено к властному ритуалу. Выделяется ритуальная модель в системе государственной коммуникации [1]; ритуал рассматривается инструментом воздействия на общество, формирующим социальные стереотипы и этнопсихологические ассоциации [2], при этом акцентируются формы его суггестивного влияния [3, с. 137–142; 4]. Продолжается традиция сопоставления ритуала с мифом, где ритуал выступает методом постижения и присвоения определенной политической мифологической системы [5]. Исследователи выявляют структурирующую и социализирующую функции медиаритуалов, которыми задаются границы нашего общего мира и формируются основы человеческого существования [6]. В большинстве исследований с отсылками к взглядам П. Бурдьё ритуал предстает как символическая форма. Представляются актуальными статьи, анализирующие взгляды на ритуал Д. Кэри с позиций их культурной перспективы, подчеркивающие стремление к сопряжению интересов в гражданской жизни [7, р. 41]. Рефлексия особенностей развития публичной сферы под влиянием глобализационных процессов получает развитие в современных европейских исследованиях, в частности дается анализ роли ритуальных медиасобытий в глобальном медиапространстве [8], влияние на медиаповестку глобальных сетей культурного производства [9].

Публичность цифрового общества как новая «явленность»

В историческом развитии человеческого общества публичная сфера формировалась в пространственных и временных границах реального мира, «открытость» и «явленность» выступали ее обязательными онтологическими характеристиками. Классическое понимание публичности античного полиса, во многом основывающееся на философских интуициях Х. Арндт, определило характер публичного пространства как реальности, действительности, а качество публичности отразилось в метафоре силы, излучающей ослепительный свет, на который что-то может выступить из тьмы потаенного и утаиваемого. Публичное представляло самый мир, общий для всех, который выступал созданием рук человеческих и собирательным понятием для всего, что разыгрывается между людьми, что осязаемо выступает на передний план в этом созданном мире [10, с. 69], это относилось к античному полису, к формам выражения прямой демократии агоры. Упадок публичности с наступлением Нового времени и ставшая очевидной утрата этого «общего» мира в массовом обществе XX века объяснялись тем, что мир утратил свою силу собирания, то есть разделения и связывания [там же].

На рубеже XX–XXI веков роль доминантного фактора в развитии публичного пространства принадлежит инновационным информационно-коммуникационным технологиям, действующим в сложных нелинейных цифровых средах. Результатом этих процессов становятся полионтологич-

ность, множественность «реальностей», что влечет за собой и новые измерения публичности. Именно на этом рубеже возникает главный вызов дигитальной эпохи в публичной сфере: размывается ее фундаментальный принцип — принцип открытости. Мнимость и анонимность виртуальной реальности полностью дезавуируют основополагающие принципы публичности классической эпохи. Возникает феномен, который получает дефиницию — «новая публичность». Установлено, что интенсификация информационно-коммуникативных процессов приводит к активизации инноваций, формирующихся на грани смыслов, на грани культур, в связи с чем возникает и проблема этих границ [11, с. 142]. Представляется, что таким «пограничным» феноменом публичной сферы можно рассматривать политический ритуал, который сохраняет онтологическое свойство «явленности» и «открытости», и тем самым — саму природу публичности.

Публичная сфера как символическое пространство

Главной социокультурной характеристикой политической публичной сферы является ее символическое измерение, посредством его механизмов символические властные отношения стремятся воспроизвести и укрепить те реальные властные отношения, которые составляют саму структуру социального пространства [12, с. 146.]. Если принять во внимание такие институты, как традиции и ритуалы, без которых невозможно существование публичной сферы, мы увидим, насколько устойчивыми были ее основания в прежние эпохи.

В историческом развитии городов публичным пространством традиционно была главная (рыночная) площадь. Здесь разворачивались события повседневности, здесь же вершились значимые события. Площадь была пространством религиозного и светского, в том числе политического ритуала (триумф, коронация, манифест, казнь и т.д.). Ритуал как упорядоченная последовательность действий, слов и вещей, пускаемых в ход социальной группой в символических целях [13, с. 408], создавал особое коммуникативное пространство. Ритуальная коммуникация разрушала сословные границы, создавала единый эмоциональный контекст восприятия события. Публичность зрелищ давала приобщение людей к единому социальному опыту, в который включался человек. Форму ритуала приобретали такие жанры театрално-зрелищной культуры Средневековья, как мистерия и моралите, где ритуальный рисунок создавала универсальная борьба добра и зла в мире и человеке. Позднее, начиная с эпохи Возрождения, особенное влияние в публичном пространстве *города* приобретает жанр карнавала, в символической конструкции которого скрыта борьба жизни и смерти. В карнавальном действии разыгрывается вечный сюжет, когда прячась от смерти за маской и личиной и, перевоплощаясь в другого и используя при-

ем переворота в пространственно-временном измерении, человек обманывает смерть. Карнавал, используя приемы театрализации, пронизан особым рода эмоциональным заражением, которое возникает только в ситуации публичности и лишь в общественном пространстве. Он становится важнейшим общественным ритуалом, символизирующим победу жизни над смертью. Религиозной антитезой карнавалу является ритуал панихиды, где публичность также является основополагающим условием.

Демонстрации и парады советского праздничного календаря во многом использовали постановочные принципы и приемы древних мистерий и карнавалов. Зрелищность, театрализация, эмоциональная заразительность уличных действий в современной карнавальной культуре разных стран так же, как и сотни лет назад, призваны формировать чувство личной сопричастности и чувство социальной связности.

В условиях возрастающей социальной дифференциации современного глобализирующегося общества символическая система публичной сферы приобретает медиатизированный характер. Этот фактор формирует ее двойственность: *явленную* сцену публичности реального мира — публичность площади — и *скрытую, виртуальную* ипостась медиареальности. Включение человека в сеть новых медиа уменьшило количество непосредственных коммуникаций и многократно увеличило количество технически опосредованных. Революционный характер инновационных информационно-коммуникативных технологий, прежде всего интернет-коммуникаций, стал тем механизмом, который запустил процесс «перезаформирования» публичной сферы и дал гражданам интерактивные инструменты для реализации своей активности в новых условиях коммуникации. Здесь вопрос в том, отменяет ли новый формат публичной сферы традиционные символические средства, или вырабатывает новые коды коммуникации?

Ритуал и эффекты медиатизации публичной сферы

Открытость и явленность как основополагающие свойства публичной сферы определили ритуал тем феноменом, который в полной мере позволяет реализовать эти свойства. Вместе с тем событийность ритуальных практик, всегда занимавшая в коммуникативном пространстве значительное место, в современном мире под влиянием медиатизации уступает место фактам и явлениям нового формата — медиасобытиям.

Вместе с тем определяющая роль культурных оснований ритуала была высказана еще в 1970-е годы Д. Кэри, который предложил понимать сам процесс коммуникации как ритуальную модель: любое общение — это ритуал соучастия, в рамках которого утверждаются ценности общества. Коммуникация представляет собой «символический процесс, посредством которого реальность создается, поддерживается, восстанавливается

и трансформируется» [14, р. 23]. Аргументирующую силу модели Кэри подтверждает и анализ медиапродукции, создаваемой в современных условиях глобализирующегося мира, где символическое пространство ритуала создается в соответствии с культурными шаблонами, стереотипами, скриптами глобального виртуального мира.

Отличительной чертой ритуальной публичной сферы является заметное влияние на ее репертуар медийных репрезентаций значимых событий. В телевизионную эпоху такие медиасобытия были признаны особым жанром [15], который в ряду определяющих критериев, таких, как разрыв с повседневностью и рутинной телевизионной программной сетки, прямой трансляцией предполагал их «электрифицирующее» влияние на публику и пафос социального примирения.

Немецкий исследователь А. Хепп называет такого рода формы ритуальными медиасобытиями, в которых качество ритуальности характеризуется тем, что в фокусе рассмотрения, в конечном счете, стоит утверждение конструктивных изменений существующих правил посредством всеобщего медийного перформанса. На этом основании ритуальные медиасобытия выступают для общества в роли всеобъемлющего интегратора [8, s. 327]. Вместе с тем А. Хепп замечает, что в перспективе глобализационных изменений медиакommunikации немалую роль продолжают играть и «популярные» медиасобытия, которые основаны на локальных ценностях субкультур. Эти эффекты своеобразного постоянства жанра, ориентированного на локальную тематику и локальные культурные ценности, можно объяснить аргументирующей силой концепции ритуальной модели Д. Кэри. Поддерживая аргументацию этой модели, американский социолог Р. Коллинз подчеркивал важность видеть в ритуале не абстрактное единство социальной системы, а собравшихся в определенных местах группы людей, которые испытывают в отношении друг друга чувство солидарности, что обеспечивается их участием в ритуалах, а также влиянием связанной с ритуалом системы символов. Р. Коллинз утверждает главенство в ритуале эмоций и эмоциональной энергии — меняющегося напряжения, подогреваемого или охлаждаемого в «скороварке» ритуалов интеракции [16, с. 31].

Несмотря на то, что непосредственные ритуалы публичной интеракции все в большей степени заменяются технологически опосредованными медиасобытиями, эмоциональная энергия, создаваемая локальными культурами, становится ресурсом медиакommunikации. Исследователь культурных индустрий Д. Хезмондалш подчеркивает, что одним из аспектов культурной интернационализации является стремление создателей символов перетолковать и адаптировать тексты, жанры и даже технологии, взятые из других культурных контекстов [9, с. 297].

Влияние глобального медиапространства и его культурных индустрий способствовало определенной универсализации политических и гражданских ритуалов, в том числе в России, что можно было наблюдать в заимствованных формах «Я/Мы», возникших сначала в сетевом сегменте «виртуальной» публичности, которые позже вышли на свет «реальной» публичной сферы. Медиасобытия, представившие гражданские протесты в Нью-Йорке («Occupy Wall Street» против преступлений финансовой элиты), отразились в российской акции «Оккупай Абай». Эти ситуации дают нам ответ на поставленный исследовательский вопрос о влиянии медийных репрезентаций на реальную активность в глобальном мире: символические смыслы получают молниеносное распространение в глобальной сетевой культуре и включаются в символическую ткань национального ритуала, воздействуя на формирование групп, укореняя образцы общественного поведения. Это лишний раз подтверждает, что одним из трендов, определяющих актуальное развитие медиареальности, является конструктивистская активность медиасистемы, «создающей образ социального мира, основанный на использовании определенных культурных схем и коммуникативных конвенций» [17, с. 43]. Таким образом, ритуал становится инструментом медийного синтеза в публичной сфере.

Вместе с тем наблюдения показывают, что такого рода интерактивные ритуалы зачастую носят поверхностный, формальный характер, не задевая культурного мира человека. Его участие не непосредственно, а индикативно, он не участвует, а манифестирует участие. Именно это позволяет современному «сетевому» человеку становиться участником не одного, а нескольких сообществ одновременно, устанавливая взаимодействие на разных уровнях с различной степенью участия и погруженности в событие, что дает возможность определить собственные «границы» свободы в сообществе. Такого рода амбивалентность позволяет вспомнить слова П. Бурдьё о символической власти, создающей реальность при помощи слов и успешной только тогда, когда понятия адекватны реалиям. И вместе с тем актуальной остается оценка П. Бурдьё эффектов символических систем в зависимости от того, произведены ли они и усвоены всей группой, или относительно автономным полем производства и обращения [18, с. 94].

* * *

Сетевая коммуникация создает и сохраняет высокий уровень анонимности субъекта, в то время как ритуал улицы его деанонимизирует, делая частью группы и коллектива, определяя его статус как участника ритуала. В условиях деанонимизации субъект осознает ответственность за свои поступки, и его действия, даже если они стихийны и эмоциональны, в большей степени ориентированы на существующую нормативность. Сетевая ритуальная

коммуникация отличается тем, что ее можно мгновенно разорвать покинув ее и тем самым исчезнув; уличную ритуальную коммуникацию, где человек уже явлен, так быстро не прервешь, а если из нее нельзя «выйти», то возникает коллективная распределенная ответственность.

Возможно, в будущем мы увидим, как традиции ритуалов рожают собственную культуру сетевых сообществ. Сейчас же вместе со стремительным ростом социальных сетей исследователей тревожат проблемы новых форм социальной организации и трансформации форм социальности. Исследование политической активности в цифровой среде — один из возможных ответов на вызовы цифровизации, в то же время подобные ответы в целом пока предсказуемо дискуссионны. Одни специалисты видят в новой политической реальности угрозы, вызванные цифровым неравенством, возможность осуществления тотального цифрового контроля политическими режимами и программно-алгоритмической виртуализацией политической реальности [19, с. 362], другие заявляют, что в обозримой перспективе цифровая коммуникация будет преобладать над аналоговой, существующей в реальном времени, а это, на их взгляд, обусловлено необходимостью преодолеть время и пространство и «научиться коммуникации» на сверхскоростях [20, с. 39].

Вместе с тем реалии политической коммуникации демонстрируют как раз обратное: стремление зафиксировать политические ценности в символическом пространстве-времени традиционной публичной сферы и, более того, в дни исторических дат или современных знаковых событий именно «пространство-время» публичных арен становится предметом борьбы и противостояния и различных политических партий, общественных групп, гражданских активистов. И это не только традиционные демонстрации и парады, определяющие пространство национальной публичной сферы, но и новые воплощения известных форм («Бессмертный полк», «Монстрация») со своим символическим рисунком, а также реальные образы медийных репрезентаций глобального медиапространства.

* * *

С развитием цифровизации социально-политических процессов все чаще возникает дискуссия о будущем института выборов. Существует устойчивая точка зрения, что в недалеком будущем непосредственное голосование на избирательных участках станет историей. Политическая культура будущего предпочтет технологии электронного цифрового голосования. Не возражая против этой идеи, рассмотрим традиционную форму голосования как акт политического публичного действия, применив теорию интерактивного ритуала Р. Коллинза, который предлагает рассматривать все процессы, в том числе и политические, сквозь призму такого понятия, как «ситуация», обладающего собственными законами или процессами

развития, собственной энергией, а ее следы могут отсылать к дальнейшим «ситуациям», сохраняться достаточно долго и вызывать новые цепочки последствий [16, с. 31].

Представляется, что приход человека на избирательный участок и голосование представляет собой такую ситуацию: повторение одних и тех же строго регламентированных действий, посредством которых избиратель не просто выражает свою политическую волю, но становится участником публичного политического ритуала. Этот акт открытого волеизъявления проявляет его солидарность с определенными социально-политическими группами (партиями), формирует его сопричастность к конкретным социально-политическим ценностям, идентифицирует его как гражданина.

Несмотря на то, что сам результат голосования публично *не представлен*, для группы политических единомышленников он *явлен*, и выборы для этой группы — это *ритуал единения*. В то же время электронное голосование *не обладает потенциалом публичности*, что делает характер цифрового волеизъявления *обыденным*, не нарушающим рутину повседневной жизни. Деритуализация избирательных процессов, подрывая символическое пространство мира, может девальвировать и систему политических ценностей. Но представляется, что в любом случае право выбора модели голосования принадлежит гражданину и не стоит лишать его этого права. Используя терминологию М. Бахтина, добавим, что публичное «пространство-время» представляет собой не только устойчивый политический хронотоп, но исторически сложившийся социокультурный феномен, нагруженный, как мы уже показали, глубоким символизмом. Отменить или ускорить время его жизни может только история.

Выводы

В глобализирующемся мире одной из значимых характеристик становится постоянно возрастающий уровень медиатизации всех социально-политических процессов. Включенность человека в сеть новых медиа уменьшила долю непосредственного общения и многократно увеличило количество медийных, технически опосредованных коммуникаций. В этих условиях характер публичной сферы демонстрирует онтологический дуализм: традиционную открытость реальных политических диалогов с их безусловной «явленностью» миру и новую, «скрытую» ипостась политической активности в развивающихся виртуальных моделях коммуникации с их тотальной и невидимой опосредованностью.

Революционный характер инновационных информационно-коммуникативных технологий, прежде всего интернет-общения, стал тем механизмом, который запустил процесс «переформатирования» публичной сферы и размытия ее границ. «Пограничным» феноменом публичной сферы

можно рассматривать политический ритуал, демонстрирующим онтологическое свойство «явленности» и «открытости» и тем самым сохраняющим саму природу публичности, заключающейся в определяемой характером виртуальной реальности дуальности: с одной стороны, потаенности, с другой, — анонимности.

Предлагается коммуникативная формула новой ритуальности: разделение публичной сферы на «явленную» и «скрытую» позволяет говорить, что в современном медиатизированном мире ритуал демонстрирует и исторические черты «драмы» на площади, оставляя за собой роль социально-политического интегратора, и воплощается в образной системе инновационных медиарепрезентаций. Эта амбивалентность ритуала оставляет дискуссионной проблемы развития публичной сферы, в том числе и взгляд на будущее института выборов в цифровом обществе.

Список литературы

1. Соловьев С.Г. Коммуникативная составляющая и ритуальная модель в государственной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2014. № 2.
2. Астафурова Т.Н. Лингвосомиотика властного ритуала // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2015. № 2.
3. Романов А.А., Романова Л.А. Суггестивные акты сакрально-ритуальной коммуникации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2013. № 1.
4. Егорченкова Н.Б. Суггестивное и контрсуггестивное поведение участников мультимодальной интеракции // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3.
5. Крымчанинова М.В. Политические ритуалы как психологический механизм управления процессом политической социализации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 2.
6. Черных А.И. Медиаритуалы // Социологический журнал. 2012. № 4.
7. Subtil F., James W. Carey's cultural approach of Communication. *Intercom, Rev. Bras. Ciênc.* 2014, vol. 37, n., pp. 19–44. ISSN 1809–5844. [Electronic resource]. URL: <http://dx.doi.org/10.1590/S1809-58442014000100002>.
8. Hepp A. *Netzwerke der Medien. Medienkulturen und Globalisierung*. Wiesbaden: Verlag fur Sozialwissenschaften, 2004.
9. Хезмондалш Д. Культурные индустрии / Пер. с англ. И. Кушнаревой, под науч. ред. А. Михалевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
10. Арендт Х. *Vita active, или О деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
11. Ахиезер А.С., Рябова М.Э. Социальная философия в усложняющемся мире // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3.
12. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // *THESIS*, 1993, вып. 2.

13. Шмитт Ж.-К. Ритуал // Словарь средневековой культуры. М.: РОССПЭН, 2007.
14. Carey J. A cultural approach of communication. In: Communication as culture. Essays on media and society. London: Routledge, 1992.
15. Dayan D., Katz E. Media Events. The Live Broadcasting of History. Cambridge, 1992.
16. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // ЖССА. 2004. № 1.
17. Кузнецова Е.И. Социальный конструктивизм как философский принцип исследования техногенных символических реальностей // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 1.
18. Бурдьё Пьер. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
19. Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественнополитические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг. 2019. № 5 (153).
20. Васильев М.С., Водопетов С.А., Антонович С.А. Цифровые коммуникативные технологии на региональных выборах: применение властью и оппозицией // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 2.